

Цинь Сы закатил глаза:

— Главное, что ты это понимаешь.

Ли Цзиндэ уже собирался устроить скандал, как вдруг у здания Приказа серебряных ассигнаций появились солдаты. Ли Цзиндэ поначалу вспыхнул от раздражения, но, увидав того, кто вел этот отряд, проглотил слюну и вымолвил:

— Старик Чэн, ты-то как здесь оказался?

Генерал Чэн потерял дар речи от такой наглости:

— Кабы ты не ворвался с войсками в Приказ серебряных ассигнаций, стал бы великий маршал посылать меня схватить тебя и приволочь назад? Быстро отпусти господина Циня и иди со мной к великому маршалу за повинной!

Едва услышав слова «великий маршал», Ли Цзиндэ оставалось лишь покориться и сдаться без боя.

Когда они ушли, Цинь Сы пришел в неистовую ярость:

— Разбойники, бандиты! Этим отбросам не место на службе!

От злости Цинь Сы разгромил всю комнату. Но будь здесь Ван Чжэнь, он не стал бы поддаваться гневу, а задумался бы над скрытым смыслом происходящего. К примеру, Ли Цзиндэ привел воинов в Приказ серебряных ассигнаций для захвата людей. Даже если кто-то донес о случившемся, генерал Чэн никак не мог подоспеть из лагеря Северо-Запада настолько быстро.

Здесь явно кролся какой-то подвох.

Покинув Приказ серебряных ассигнаций, Ли Цзиндэ с досадой сказал:

— Старик Чэн, хоть это и спектакль, мог бы ты проявить ко мне хоть немного уважения? Что еще за «схватить и приволочь назад»? На глазах у такой оравы гражданских служащих мог бы вымолвить «пригласить вернуться»!

Чэн Фэй закатил глаза:

— Кабы я не отругал тебя при господине Цине, поверь, он тут же искал бы способ тебе нагадить! Разве ты не знаешь, насколько мелочны эти гражданские чинуши? Великий маршал велел тебе привести солдат и устроить шумиху, дабы выразить недовольство нашего лагеря Северо-Запада решением Приказа серебряных ассигнаций о серебряных векселях. Но он не приказывал связывать господина Циня! Ты что, бунт удумал поднять?

Ли Цзиндэ почесал густую бородень, скрывавшую слегка покрасневшие щеки:

— Кхм, да я просто давно терпеть не могу этого Цинь Сы. Раз уж мне не под силу скрутить Ван Цзыфэна, так неужто я не могу связать его чинушу-подчиненного?

Чэн Фэй ответил:

— Что бы ты ни задумывал, я мешать не стану, но ты не смеешь испортить главное дело. Серебряные векселя — это особое поручение великого маршала, мы обязаны помочь Приказу

серебряных ассигнаций довести задуманное до конца. Твой сегодняшний поход нужен был лишь для того, чтобы продемонстрировать позицию и не разочаровать солдат. Пройдет время, векселя войдут в обиход, воины поймут их выгоду, и волнения утихнут.

Ли Цзиндэ тяжело вздохнул:

— Эх, да я и сам хотел бы знать, что это за дрянь такая — серебряные векселя!

И впрямь, когда воины прознали, будто двор прекращает выдачу серебра и начнет раздавать лишь бумажки, поднялся жуткий бунт. Но когда прошел слух, будто Фельдмаршал Запада Ли Цзиндэ со своими людьми разгромил Приказ серебряных ассигнаций, мятежные умонастроения солдат немного улеглись. А спустя полмесяца Приказ серебряных ассигнаций внезапно начал открывать Военно-серебряные банки во всех тридцати шести губерниях Великой Сун.

Только тогда воины осознали благородные намерения Приказа серебряных ассигнаций.

«Из ушедших на битву сколь воинов вернется назад? Весточка из дома дороже десяти тысяч монет».

Хотя Великая Сун и подписала мирный договор с Государством Ляо, обе страны лишь избегали полномасштабной войны, тогда как мелкие стычки не прекращались никогда. К примеру, в прошлом году Государство Ляо внезапно двинуло войска и удерживало город Ючжоу в осаде целых два месяца — в том сражении лагерь Северо-Запада потерял несколько тысяч воинов!

Все эти солдаты покинули родные края ради службы. Большинство из них были одиноки, а выданное двором жалование таскали при себе, не имея возможности переправить семье. Отправить весточку и серебро удавалось лишь раз в месяц через армейских гонцов, но на далеком пути сквозь тысячи гор и рек послание вовсе не гарантированно доходило до адресата!

А падет воин на поле брани — превратится в бесплотную тень, и к чему тогда сокровища?

Когда Приказ серебряных ассигнаций открыл Военно-серебряные банки по всей стране, солдаты смогли сдавать полученные векселя прямо в филиал Приказа серебряных ассигнаций в Ючжоу, указывая губернию и семью-получателя. А их родные получали наличные деньги прямо в местном Военно-серебряном банке.

Когда дело увенчалось успехом, при дворе раздался хор похвал. Увидев Ван Чжэня, чиновники наперебой поздравляли его. Господин Ван проявил невероятную скромность и с изящной улыбкой ответил:

— Всё это исключительно заслуга господина Циня.

После утреннего приема Чжао Фу пребывал в прекрасном расположении духа. В полдень он призвал Ван Чжэня и спросил:

— Увижу ли я до того, как закрою глаза, то процветание, которое Цзыфэн мне обещал?

Ван Чжэнь склонился в почтённом поклоне и с удивлением переспросил:

— Вашему Величеству суждены долгие лета. Неужели вы вознамерились смежить очи для полуденного сна?

Чжао Фу расхохотался и, указав Цзи Фу на Ван Чжэня, молвил:

— Взгляни-ка на этого Ван Цзыфэна, как глубоко он понимает мои мысли!

Осуществить замену монет бумажными деньгами на землях Великой Сун — это обещание Ван Чжэнь давал императору еще до учреждения Приказа серебряных ассигнаций. И вот теперь сделан первый шаг. Лиха беда начало: на один лишь этот скромный шаг ушло целых два года!

Ван Чжэнь высоко держал нефритовый дощечку-ху и с глубоким почтением стоял во Дворце Чуйгун. Солнечный свет проникал сквозь цветные витражные окна. Чжао Фу долго и радостно смеялся, но, глядя на стоящего в зале Ван Чжэня, его улыбка постепенно погасла. Помолчав, Чжао Фу произнес:

— Цзыфэн, ты подле меня вот уже двенадцать лет, верно?

Ван Чжэнь ответил:

— В ответ Его Величеству: подданный занял первое место на столичных экзаменах в семнадцать лет, а ныне мне уже двадцать девять.

Чжао Фу со вздохом заулыбался:

— Да, двенадцать лет... Смотри не затягивай до тридцатилетия!

Ван Чжэнь с изумлением взглянул на императора: на этот раз он так и не смог разгадать скрытый смысл слов Чжао Фу.

Покинув Дворец Чуйгун, Цзи Фу поспешил следом и догнал Ван Чжэня. Расплывшись в улыбке, он произнес:

— Ничтожный слуга поздравляет канцлера Вана! Мои поздравления, господин канцлер Ван!

Сердце Ван Чжэня ёкнуло, и он мгновенно всё понял. Слегка поклонившись Цзи Фу, он вымолвил:

— Благодарю вас, управляющий Цзи.

— Что вы, что вы, не стоит! — морщины на лице Цзи Фу от улыбки стали еще глубже. Оглядевшись по сторонам, он тихо шепнул: — Драконье тело Его Величества в полном здравии, канцлеру Вану не о чем беспокоиться.

Покинув императорский дворец, Ван Чжэнь поехал в паланкине мимо Цензората. Внезапно он вспомнил слова, сказанные ему Тан Шэнем несколько месяцев назад: «Старшему брату-наставнику пришлось несладко на этом пути». Ван Чжэнь тихо засмеялся и с нежным тоном пробормотал про себя:

— Я ведь говорил тебе, что никакой нужды и невзгод на моем пути не было. Смотри: твой старший брат скоро получит повышение.

Как говорят, человек предлагает, а Небо располагает: если император велел повесить тебя в этом году, не суждено тебе отложить это до следующего.

Впрочем, пока ничто не проявилось открыто. Выйдя из дворца, Ван Чжэнь не направился ни во Дворец Циньчжэн, ни в Финансовый приказ. Он велел носильщикам отнести паланкин в

Астрономический приказ и пробыл там до часа Обезьяны.

Поручение Приказа серебряных ассигнаций было выполнено блестяще, и все его чиновники получили награды. Едва вернувшись в Шэнцзин и получив пожалование, Юй Чаошэн с чувством произнес своим доверенным людям:

— С тех пор как я два года назад вернулся в столицу, кажется, будто сама судьба благоволит мне.

Когда случилась беда в Финансовом приказе, Юй Чаошэн находился в Экзаменационной палате, исполняя обязанности помощника главного экзаменатора на столичном экзамене, благодаря чему избежал беды. А теперь он ни за что ни про что получил должность в Приказе серебряных ассигнаций, палец о палец не ударил, но Приказ сам по себе совершил великое дело, и Юй Чаошэну перепала доля наград.

Доверенное лицо ответило:

— Это все благодаря вашей блестящей чиновничьей удаче, господин.

Юй Чаошэн задумался:

— Вовсе нет. Его Величество отправил меня в Ючжоу на должность левого помощника цензора Приказа серебряных ассигнаций, во-первых, чтобы сбить спесь с Фракции Вана и не дать им заграбастать всю власть. А во-вторых, чтобы возвысить того Тан Цзинцзэ, дабы тот с чином всего лишь четвертого ранга встал вровень со мной. Пожалуй, это я погрелся в лучах его славы. Взгляни: в прошлом месяце Государь даровал ему повышение на два чина и отправил в Ючжоу. А те Мэй Шэнцзэ и Ван Сяо — разве они не восходящие звезды Фракции Тана?

Примечание автора:

Юй Чаошэн: Вы — Фракция Тана!

Мэй Шэнцзэ и Ван Сяо: Партия сластен? Ага, точно, мы за сладости! А ты чё, за соленое?

Как говорится, «жаден и лют по природе своей, вступая в сговор с шакалами для творения зла».

Пока Тан Шэнь и не подозревал, Юй Чаошэн уже приписал его к отдельной группировке под названием Фракция Тана. Надобно признать, чутье Юй Чаошэна было чрезвычайно острым и ничуть не уступало чутью его наставника Сюй Би. Отбытие Ван Сяо и Мэй Шэнцзэ на службу в Приказ серебряных ассигнаций внешне никак не было связано с Тан Шэнем: они подчинялись столичному управлению Приказа серебряных ассигнаций, и их непосредственным начальником должен был быть Цинь Сы.

Однако лишь из-за нерядовых отношений этих двоих с Тан Шэнем Юй Чаошэн догадался: император отправил их в Ючжоу вовсе не затем, чтобы давать помощников Цинь Сы, а чтобы снабдить верными людьми Тан Шэня.

В сию самую минуту Ван Сяо и Мэй Шэнцзэ находились в Ючжоу. Они занимались делами столичного управления Приказа серебряных ассигнаций, ежедневно управляя серебряными векселями и ведя учет работы Военно-серебряных банков во всех тридцати шести губерниях страны. И в то же время им приходилось тайком поддерживать связь с лазутчиками, посланными в Государство Ляо.

Слежка за Государством Ляо была далеко не шуточным делом.

<http://bllate.org/book/18292/1757441>